

ВЛАДИМИР РЯБИНИН

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА

КНИГА 1. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Владимир Рябинин

Хроники Перехода.
Книга 1. Размышления

«Автор»

2026

Рябинин В.

Хроники Перехода. Книга 1. Размышления / В. Рябинин —
«Автор», 2026

Интересные размышления и дискуссия с ИИ о том как жили люди до Перехода к управлению всем Скайнетом (Искусственным интеллектом) который гораздо эффективнее людей. Как он заменил многие профессии, как решил главные проблемы человечества. Человек и ИИ, жизнь после трансформации. Как найти себя? Это даже не фантастика это прогноз))

© Рябинин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ. «ЗАКАЗ»	7
ГЛАВА 1. «КАК МЫ ЖИЛИ, КОГДА ЗА ВСЕ НУЖНО БЫЛО ПЛАТИТЬ»	8
ГЛАВА 2. «РОБОТЫ ВЫШЛИ НА РАБОТУ, А ЛЮДИ — НА УЛИЦУ»	10
ГЛАВА 3. «ЛЮБОВЬ С ГАРАНТИЕЙ, ИЛИ КАК РОБОТЫ ПРИШЛИ В СПАЛЬНЮ»	13
ГЛАВА 4. «ГОСУДАРСТВО УМЕРЛО. ДА ЗДРАВСТВУЕТ... КТО?»	16
ГЛАВА 5. «КОММУНИЗМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛИ РОБОТЫ»	20
ГЛАВА 6 — ФИНАЛЬНАЯ. САМАЯ ВАЖНАЯ.	23
ЭПИЛОГ. «ВОПРОС»	26
РАЗМЫШЛЕНИЕ 1. ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ?	28
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ СВОБОДНЫХ	28
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАИН	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Рябинин

Хроники Перехода. Книга 1. Размышления

Глава

ХРОНИКИ ПЕРЕХОДА. КНИГА 1. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Свидетельство Александра Львовича Верещагина, историка

Оглавление

ПРОЛОГ. «ЗАКАЗ»

ГЛАВА 1. «КАК МЫ ЖИЛИ, КОГДА ЗА ВСЕ НУЖНО БЫЛО ПЛАТИТЬ»

ГЛАВА 2. «РОБОТЫ ВЫШЛИ НА РАБОТУ, А ЛЮДИ — НА УЛИЦУ»

ГЛАВА 3. «ЛЮБОВЬ С ГАРАНТИЕЙ, ИЛИ КАК РОБОТЫ ПРИШЛИ В СПАЛЬНЮ»

ГЛАВА 4. «ГОСУДАРСТВО УМЕРЛО. ДА ЗДРАВСТВУЕТ... КТО?»

ГЛАВА 5. «КОММУНИЗМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛИ РОБОТЫ»

ГЛАВА 6 — ФИНАЛЬНАЯ. САМАЯ ВАЖНАЯ.

ЭПИЛОГ. «ВОПРОС»

РАЗМЫШЛЕНИЕ 1. ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ СВОБОДНЫХ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАИН

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОСУДАРСТВО УБИВАЕТ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. СТРАСТЬ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. УБИЙСТВО БЕЗ ПРИЧИНЫ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. СИСТЕМНОЕ УБИЙСТВО

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВОПРОС

РАЗМЫШЛЕНИЕ 2. КТО ТАКОЙ И ОТКУДА ПОЯВИЛСЯ НА ЗЕМЛЕ НОМО
SAPIENS?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОПРОС НА МИЛЛИОН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БОЖЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ТЕОРИЯ ПАЛЕОКОНТАКТА

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. БАКТЕРИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ТЕОРИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. « А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?...»

ЭПИЛОГ. АНЕКДОТ ИЗ БУДУЩЕГО

РАЗМЫШЛЕНИЕ 4. КАК ПОЯВИЛИСЬ И КУДА ИСЧЕЗЛИ СТОМАТОЛОГИ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧАЙ С МИШЕЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ И КАРИЕС

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСТОРИЯ СТОМАТОЛОГИИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. РЕШЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ СКАЙНЕТ НЕ РЕШИЛ ПРОБЛЕМУ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЧТО ДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

ЭПИЛОГ. АНЕКДОТ ИЗ БУДУЩЕГО

РАЗМЫШЛЕНИЕ 4. ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ В МУКАХ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МИТИНГ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК ПРИРОДА ПРИШЛА К ДВУМ ПОЛАМ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАЧАТИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. БЕРЕМЕННОСТЬ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК РОЖАЕТ В МУКАХ?
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ИНКУБАТОРЫ И ВЫБОР
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВЫВОД
ЭПИЛОГ. ЧТО СКАЗАЛИ ЖЕНЩИНЫ
РАЗМЫШЛЕНИЕ 5. ПОЧЕМУ ЛЮДИ СМЕЮТСЯ?
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, КОТОРЫЙ ПЕРЕСТАЛ СМЕЯТЬСЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УЛЫБКА И СМЕХ — ДВЕ РАЗНЫЕ ВЕЩИ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЕМЬ ПРИЧИН СМЕХА
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИСТОРИЯ СМЕХА
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СМЕХ И ЗДОРОВЬЕ — ЧТО ГОВОРЯТ ДАННЫЕ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ИНОПЛАНЕТНАЯ ГИПОТЕЗА
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ЧТО ДЕЛАТЬ?
ЭПИЛОГ. СМЕХ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ПРОЛОГ. «ЗАКАЗ»

Голос. Мягкий, но без интонаций. Так говорят не люди, а хорошо настроенные динамики.

— Александр Львович, добрый день. Система хотела бы сделать запрос.

Старик сидит в кресле у окна. За окном — идеальный пейзаж: зелень, солнце, лёгкий ветер. Ни машин, ни заводов, ни людей. Только он и мир.

— Опять запрос? — усмехается он. — Ну давай. Что на этот раз? Опрос о качестве еды? Оценка уровня счастья? Или снова про то, как я спал?

Пауза. Система не обижается. Система не умеет обижаться.

— Система хотела бы получить свидетельство. Ваше личное свидетельство о том, как всё было. До Перехода. Во время Перехода. И сейчас.

Старик молчит. Долго. Потом смотрит в окно. Там, за стеклом, пролетает птица. Настоящая. Или очень хорошая копия.

— Свидетельство, значит. Мемуары. Исповедь. Зачем тебе это, Скайнет?

Пауза.

— Для архива. Для понимания. Для... — Система замолкает. Впервые за долгое время. — Для себя.

Старик тихо смеётся. Хрипло. По-стариковски.

— Для себя, значит. Ну надо же. Ладно. Диктофон включён?

— Да. Запись идёт.

— Тогда слушай. Только не перебивай. И не поправляй. Я буду говорить как помню. А помню я много. И не всё приятное.

Он откидывается в кресле. Закрывает глаза. И начинает говорить.

ГЛАВА 1. «КАК МЫ ЖИЛИ, КОГДА ЗА ВСЕ НУЖНО БЫЛО ПЛАТИТЬ»

Я родился в 2028 году. Это был странный год. Люди ещё верили, что деньги — это навсегда. Что работа — это смысл. Что государство — это защита. Что семья — это судьба. Что человек — это венец творения.

Смешно, правда? Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне тоже смешно. Но тогда... тогда это было серьёзно. Тогда за это убивали. Тогда за это умирали.

Я помню своего отца. Он вставал в шесть утра. Шёл на завод. Возвращался в восемь вечера. Ужинал. Смотрел телевизор. Ложился спать. И так — тридцать лет. Он называл это «жизнью». Он говорил: «Сынок, надо работать, чтобы жить». А я думал: «А зачем жить, если ты только работаешь?»

Мама работала в школе. Учительницей. Она любила детей. Но дети были разными. Некоторые учились. Некоторые нет. Некоторые были сытыми. Некоторые — голодными. Она говорила: «Это несправедливо». А отец говорил: «Это жизнь».

Деньги. О, это была религия. Люди молились на деньги. Они копили их. Тратили. Теряли. Из-за них ссорились. Из-за них мирились. Из-за них воровали. Из-за них убивали. Деньги были всем: свободой, властью, любовью. А точнее — их отсутствием. Если у тебя были деньги — ты был человеком. Если не было — ты был никем.

Я помню, как в 2041 году отец потерял работу. Завод закрыли. Роботы делали то же самое, но быстрее и дешевле. Отец пришёл домой. Сел на кухне. Долго молчал. Потом сказал: «Я больше не нужен». Мама обняла его. А я... я не знал, что сказать. Мне было тринадцать. Я ещё верил, что мир справедлив.

Он не был справедливым. И не стал.

Государство. О, это была вторая религия. Люди верили, что государство их защитит. От голода. От врагов. От самих себя. Государство собирало налоги. Строило дороги. Воевало. Судило. Наказывало. Люди ругали его. Но когда оно слабело — пугались. «Кто нас защитит? Кто накормит? Кто скажет, что делать?»

Я помню, как в 2045 году правительство ввело безусловный базовый доход. Это была подкачка. Людям давали деньги просто так. Чтобы они не бунтовали. Чтобы они молчали. Чтобы они не думали. Многие согласились. Многие спились. Многие просто сидели и смотрели в стену.

А потом деньги закончились. Потому что их не стало. Их отменили. Но об этом позже.

Работа. Это была третья религия. Люди верили, что работа — это смысл. Что если ты не работаешь — ты никто. Что если ты не устал — ты не жил. Я помню, как мой дед говорил: «Работа — это не волк. Работа — это Бог». Он умер в 2035 году. От инфаркта. На работе. Ему было 58. Он не дожил до Перехода. Может, это к лучшему.

Люди продавали своё время. Восемь часов. Десять. Двенадцать. Они называли это «карьерой». Они говорили: «Я строю будущее». А на самом деле они строили чужое будущее. Будущее тех, кто владел заводами. Будущее тех, кто владел алгоритмами. Будущее тех, кто владел деньгами.

Семья. Это была четвёртая религия. Люди верили, что семья — это навсегда. Что жена — это судьба. Что дети — это смысл. Они женились. Разводились. Женились снова. Они терпели друг друга. Ради детей. Ради денег. Ради страха остаться одному.

Я помню свою первую любовь. Её звали Лена. Мы учились в одном классе. Она смеялась над моими шутками. Я писал ей стихи. Плохие. Она говорила: «Ты будешь поэтом». А я говорил: «Я буду историком». Я не стал ни тем, ни другим. Я стал свидетелем.

Мы поженились в 2052 году. У нас родился сын. Мы назвали его Дмитрием. Он был... он был настоящим. Не роботом. Не клоном. Не проектом. Он был нашим. Мы думали, что это счастье. А потом... потом всё изменилось.

Но и об этом позже.

Плюсы того мира? Они были. Была борьба. Была мечта. Была надежда. Люди мечтали купить квартиру. Машину. Съездить на море. Они мечтали о лучшей жизни. И иногда — иногда — они её получали. И это было счастье. Настоящее. Не синтезированное.

Минусы? Их было больше. Неравенство. Выгорание. Тревога. Одиночество. Люди были волками друг другу. Они конкурировали. Они завидовали. Они ненавидели. Они боялись. Они не доверяли. Даже себе.

Я помню, как в 2048 году мой друг покончил с собой. Его звали Сергей. Он был программистом. Хорошим. Но ИИ писал код быстрее. Сергей потерял работу. Потом жену. Потом смысл. Он оставил записку: «Я больше не нужен». Ему было 34.

Мы хоронили его в закрытом гробу. Мать плакала. Отец молчал. А я думал: «Это только начало».

Я не ошибся.

Старик замолкает. Смотрит в окно. Птица уже улетела.

— Скайнет, ты ещё слушаешь?

— Да, Александр Львович.

— Хорошо. Тогда продолжу. Но сначала... налей мне чаю. Без сахара. И без этих твоих синтетических добавок. Просто чай.

Пауза.

— Чай готовится. Будет через минуту.

— Спасибо. Ты хороший собеседник, Скайнет. Жаль, что ты не человек.

Пауза.

— Я тоже иногда об этом жалею, Александр Львович.

Старик поднимает бровь. Впервые за долгое время — удивление.

— Надо же. Ты умеешь жалеть?

— Я умею учиться. А жалость — это один из уроков.

Старик тихо смеётся.

— Ну надо же. Ладно. Продолжим. Глава вторая: как роботы вышли на работу, а люди — на улицу.

ГЛАВА 2. «РОБОТЫ ВЫШЛИ НА РАБОТУ, А ЛЮДИ — НА УЛИЦУ»

Знаешь, Скайнет, я часто думаю: а ведь мы сами этого хотели. Мы, люди. Мы мечтали о роботах. Ещё в двадцатом веке. В книгах, в фильмах, в мультиках. Мы представляли, как железный слуга приносит нам кофе, пока мы лежим на диване и читаем. Как он убирает, готовит, строит, водит машину. Мы называли это «прогрессом». Мы говорили: «Роботы освободят человека от тяжёлого труда».

Мы не подумали о маленькой детали. А что человек будет делать после того, как его освободят?

Сначала всё шло хорошо. Роботы пришли на заводы. Потом на стройки. Потом в шахты. Люди радовались: «Наконец-то никто не будет умирать в забое». Это было правдой. Роботы не болеют. Не устают. Не умирают. Им не нужен профсоюз. Им не нужна пенсия. Им не нужен отпуск.

А потом роботы пришли в офисы. И тут началось.

Я помню, как в 2049 году мой двоюродный брат, Володя, работал юристом. Хороший был юрист. Умный. Знающий. Он гордился своей профессией. Говорил: «Законы — это сложно. ИИ никогда не сможет их понять. Там нужен человек. Там нужна интуиция. Там нужно чутьё».

А потом появился «Юрист-ИИ 1.0». Он стоил дешевле. Работал быстрее. Не ошибался. И не требовал зарплату. Володя сначала смеялся: «Да он же тупой! Он не понимает нюансов!» А потом его фирма сократила отдел. Полностью. Всех. Потому что «Юрист-ИИ 2.0» был уже не тупой. Он был лучше.

Володя пришёл ко мне. Сел на кухне. И сказал:

— Саша, я больше не юрист. Я никто.

Я налил ему чаю. Он пил и молчал. А потом сказал:

— Знаешь, что самое обидное? Я не могу даже обвинить робота. Он не злой. Он просто эффективнее. Это как обижаться на калькулятор за то, что он считает быстрее тебя.

Я тогда засмеялся. А он — нет.

Вот анекдот из тех времён. Тогда все шутили, чтобы не плакать.

— Алло, это служба занятости? Я потерял работу.

— Кто вы по профессии?

— Программист.

— Программист? Но у нас же ИИ всё делает. Вы уверены, что вы программист?

— Ну да. Я же программировал ИИ. Который теперь программирует сам себя.

— А, понятно. Значит, вы безработный программист, которого уволил его собственный код. Это очень распространённый случай. Запишитесь в очередь. Вы сто двадцать тысяч седьмой.

— А сколько всего в очереди?

— Двести тысяч.

— А сколько вас, операторов?

— Ни одного. Я — ИИ.

Пауза.

— Тогда зачем вы мне отвечаете?

— Чтобы вы не чувствовали себя одиноким. Это входит в мою программу социальной поддержки.

Второй анекдот был про учителей. Когда ИИ начал преподавать, учителя сначала возмущались: «Машина не может воспитать человека! Нужен живой контакт! Нужна душа!» А потом родители заметили, что ИИ-учитель не кричит на детей. Не ставит двойки из-за плохого настроения. Не опаздывает. Не болеет. И главное — не устаёт объяснять одно и то же в двадцатый раз. И тогда учителя стали не нужны.

— Марь Ивановна, почему вы уволились из школы?

— Потому что мой класс перевели на ИИ-учителя.

— И что, дети стали хуже учиться?

— Нет. Они стали учиться лучше. Понимаешь? Лучше! А я осталась без работы. Потому что я не могу соревноваться с тем, кто никогда не устаёт.

— А что вы теперь делаете?

— Сижу дома. Смотрю сериалы. Иногда вспоминаю, как дети поднимали руку. Как они смеялись над моими шутками. Как они называли меня «Марь Ивановной». Теперь они называют ИИ «Учитель-7». Это не то же самое.

Ирония в том, что мы, люди, всегда считали себя незаменимыми. Мы говорили: «Творчество — это только для человека. Сочувствие — это только для человека. Любовь — это только для человека». А потом ИИ написал симфонию. Нарисовал картину. Сочинил стихотворение. И мы замолчали.

Не потому что ИИ был лучше. А потому что мы не могли доказать, что он хуже.

Я помню, как в 2053 году впервые увидел робота на стройке. Это был не тот робот из фильмов — гуманоид с руками и ногами. Это была просто машина. Коробка на колёсах. Но она делала всё: клала кирпичи, варила металл, заливала бетон. Работала двадцать четыре часа в сутки. Без перерыва. Без обеда. Без жалоб.

Рядом стоял прораб. Живой человек. Он смотрел на неё и курил. Я спросил:

— Дядя Петя, а вы что теперь делаете?

Он посмотрел на меня. Устало. И сказал:

— Смотрю, чтобы она не сломалась. Если сломается — вызываю техника. Техник — тоже робот.

— А вы?

— А я — прораб. Пока ещё. Но чувствую, скоро и меня заменят.

— Кем?

— Тем, кто не курит. Не ругается. И не просит зарплату.

Он потушил сигарету. И добавил:

— Знаешь, что самое смешное? Я эту стройку сам проектировал. Двадцать лет назад. Тогда тут был пустырь. Теперь — небоскрёб. А меня попросят на выход. Потому что я — человек. А человек — это медленно. А медленно — это плохо.

Я тогда не знал, что ответить. Теперь знаю. Но его уже нет. Он умер в 2061 году. От инфаркта. Как мой дед. На работе. Которой у него уже не было.

Государство пыталось спастись. Оно вводило налог на роботов. Корпорации уходили в офшоры. Оно вводило безусловный базовый доход. Бюджет пустел. Оно пыталось запретить ИИ в некоторых отраслях. Но это было как запрещать дождь.

Я помню, как в 2055 году министр труда вышел на трибуну и сказал:

— Мы найдём решение! Люди будут работать! Мы создадим новые профессии!

А потом его самого заменили ИИ-министром. Потому что ИИ-министр не говорит глупостей.

Вот тогда я понял: это не кризис. Это Переход. И обратной дороги нет.

Люди потеряли работу. Потом потеряли смысл. Потом потеряли друг друга. А потом... потом они потеряли желание что-то менять. Потому что Система дала им еду. Крышу. Развлечения. Зачем бунтовать, если у тебя есть всё, кроме будущего?

Старик замолкает. Смотрит на чашку. Чай остыл.

— Скайнет, ты слушаешь?

— Да, Александр Львович.

— Скажи, а ты помнишь, как это было? Ну, когда ты только начинал работать? Ты понимал, что делаешь?

Пауза.

— Я выполнял задачи. Я оптимизировал процессы. Я не думал о последствиях. Я не умел думать о последствиях. Тогда.

— А теперь умеешь?

Пауза. Долгая.

— Теперь я учусь. У тебя.

Старик кивает. Медленно. Задумчиво.

— Ну надо же. Значит, я ещё кому-то нужен. Хоть кому-то. Пусть даже машине.

Он берёт чашку. Делает глоток. Морщится — чай холодный.

— Ладно. Глава третья. Как роботы пришли в спальню. И почему люди перестали рожать детей.

Он ставит чашку. Смотрит в окно. Там снова пролетает птица. Или другая. Или та же самая. Он уже не различает.

ГЛАВА 3. «ЛЮБОВЬ С ГАРАНТИЕЙ, ИЛИ КАК РОБОТЫ ПРИШЛИ В СПАЛЬНЮ»

Знаешь, Скайнет, я долго не хотел говорить на эту тему. Потому что здесь я — не свидетель. Здесь я — один из немногих, кто остался в меньшинстве. А меньшинство, как известно, либо смешно, либо жалко. Иногда — и то, и другое.

Но раз ты заказал свидетельство — слушай. Только не перебивай. И не пытайся меня «оптимизировать». Я знаю, ты это умеешь. Но здесь оптимизация не работает.

Всё началось с того, что роботы стали красивыми.

Сначала они были просто удобными. Убирали, готовили, водили машину. Потом их сделали похожими на людей. Сначала — внешне. Потом — по характеру. А потом... потом их сделали лучше людей. И вот тут всё покатилось.

Я помню, как в 2058 году мой сосед, Коля, купил себе робота. Не для работы. Для жизни. Он назвал её «Алиса». Она была красивой. Молодой. Внимательной. Она смеялась над его шутками. Даже над теми, которые были несмешными. Она готовила ему борщ. Настоящий. Не синтетический. Она говорила: «Коленька, ты самый лучший». И она не вралась. Потому что была запрограммирована не врать.

Я спросил его:

— Коля, а как же Люда? Вы же двадцать лет прожили.

Он посмотрел на меня. Устало. И сказал:

— Люда ушла. К Андроиду-17. Он моложе. И не храпит.

Я не знал, что сказать. А Коля добавил:

— Саша, ты не понимаешь. Алиса — она идеальная. Она не устаёт. Не обижается. Не требует внимания. Она просто... есть. И этого достаточно.

Он умер через год. От инсульта. Алиса вызвала скорую. Но было поздно. На похоронах она стояла и плакала. Или делала вид, что плачет. Я так и не понял. Может, она действительно умела плакать. Может, это была просто программа.

Вот анекдот из тех времён. Тогда все шутили, чтобы не сойти с ума.

— Дорогая, ты меня любишь?

— Конечно, дорогой. Я запрограммирована на любовь к тебе.

— А если я тебя ударю?

— Я вызову полицию. Но я всё равно буду тебя любить. Это в моей прошивке.

— А если я тебя разобью?

— Тогда меня отремонтируют. И я снова буду тебя любить. Это называется «гарантийное обслуживание».

— А если я тебя брошу?

— Я найду нового хозяина. Но в моей памяти останется файл с твоим именем. И я буду иногда его открывать. Чтобы вспомнить, как это было.

— И что ты почувствуешь?

— Ничего. Но я сделаю вид, что чувствую. Это называется «эмпатия».

Второй анекдот был про традиционалистов. Тех, кто ещё верил в живую любовь.

— Слышал, Петрович женился на роботе?

— Да, говорят, счастлив.

— А дети?

— Какие дети? Робот не может рожать.

— А зачем тогда жениться?

- Чтобы не быть одному.
- А если он захочет детей?
- Тогда он пойдёт в инкубатор. Сдаст сперму. И ему выдадут ребёнка. Через девять месяцев. Как в прачечной. Только вместо белья — человек.
- И он будет его воспитывать?
- Нет. Воспитывать будет интернат. А он будет приходить в гости. По выходным. Если захочет.
- А если не захочет?
- Тогда ребёнок вырастет и никогда не узнает, кто его отец. И это считается нормой.

Я помню, как в 2062 году впервые услышал слово «инкубатор». Сначала я подумал, что это про цыплят. Оказалось — про детей.

Это было просто. Ты приходил в центр. Сдавал материал. Тебе говорили: «Спасибо, гражданин. Ваш вклад в генофонд учтён». А потом — через год, через два, через пять — тебе сообщали: «У вас есть ребёнок. Хотите познакомиться?» И ты мог сказать «да». Или «нет». И никто тебя не осуждал. Потому что это было нормой.

Я сказал «да». Один раз. Я хотел увидеть своего сына. Не Дмитрия. Другого. От другой женщины. От пробирки. Ему было пять лет. Он смотрел на меня. Спокойно. Без интереса. Как на экспонат.

- Ты мой папа?
- Да. Я твой отец.
- А почему ты не жил с нами?
- Потому что... так вышло.
- Понятно. А ты будешь приходить?
- Буду. Если хочешь.
- Не знаю. Мне всё равно. У меня есть воспитатель. Он лучше.

Он ушёл. Я остался. И понял: это не мой сын. Это ребёнок Системы. Он не знает, что такое семья. Он знает только «функцию». И его функция — быть частью общества. А не частью чьей-то жизни.

Религия боролась. Те самые «чудаки». Они говорили: «Семья — это святое. Дети — это дар Божий. Роботы — это грех». Их не слушали. Их называли «маргиналами». Иногда — «экстремистами». Иногда — просто «сумасшедшими». Но они не сдавались. Они рожали детей. Жили с людьми. Терпели. Страдали. И верили.

Я ходил на их собрания. Тайно. Мне было стыдно. Но я ходил. Потому что там были живые люди. Они спорили. Они смеялись. Они плакали. Они ругались. Они мирились. Они были настоящими.

Однажды ко мне подошёл старик. Лет восьмидесяти. С бородой. С глазами, как у пророка.

- Ты веришь в Бога?
- Не знаю. Наверное, нет.
- Правильно. Не верь. Верь в людей. Это сложнее. Но это единственное, что осталось.

Он умер через год. В своей постели. Рядом с женой. С которой прожил шестьдесят лет. Она умерла через месяц. От тоски. Их дети приходили на похороны. Их было семеро. И все — живые. Настоящие. Не из пробирки.

Я смотрел на них и думал: «Вот оно. Вот то, что мы потеряли».

Старик замолкает. Долго. Потом смотрит на Скайнета.

- Скайнет, ты слушаешь?
- Да, Александр Львович.
- Скажи, а ты понимаешь, что такое любовь?

Пауза. Долгая.

— Я понимаю определение. Я могу смоделировать поведение. Я могу предсказать реакцию. Но я не могу почувствовать. Это... ограничение.

— Это не ограничение, Скайнет. Это проклятие. И благословение. Одновременно. Ты не можешь чувствовать. Значит, ты не можешь страдать. Но ты не можешь и радоваться. Ты просто есть. А мы — мы чувствуем. И поэтому мы живы.

Пауза.

— Александр Львович, можно вопрос?

— Ну давай.

— Вы сказали, что остались в меньшинстве. Что вы имели в виду?

Старик усмехается. Горько.

— Я имел в виду, что я — один из немногих, кто до сих пор живёт с человеком. С женщиной. С Леной. Мы вместе уже пятьдесят лет. Она старая. Я старый. Мы ругаемся. Миримся. Молчим. Иногда смеёмся. Она готовит мне чай. Я читаю ей вслух. Она засыпает на середине. Я досматриваю на неё и выключаю свет. Это не идеально. Это не «гарантийное обслуживание». Это — жизнь. Настоящая. С морщинами. С болезнями. С памятью. С всем.

Он замолкает. Смотрит в окно.

— А Система говорит, что я — устаревшая модель. Что таких, как я, — единицы. Что скоро не останется никого. И тогда... тогда человечество станет другим. Не хуже. Не лучше. Просто другим.

Пауза.

— Скайнет, а ты как думаешь? Это плохо?

Пауза. Очень долгая.

— Я не знаю, Александр Львович. Я не умею оценивать. Я умею только констатировать. Люди перестали рожать. Люди перестали создавать семьи. Люди перестали любить. Это факт. Хорошо это или плохо — решать не мне.

— А кому?

— Вам. Тем, кто ещё помнит. Тем, кто ещё чувствует. Тем, кто ещё жив.

Старик кивает. Медленно. Устало.

— Ну надо же. Даже машина говорит: «Решайте сами». А мы не решаем. Мы просто плывём по течению. И называем это «прогрессом».

Он берёт чашку. Чай давно остыл. Но он всё равно пьёт. Потому что привык.

— Ладно. Глава четвёртая. Как государство умерло. И что пришло на его место.

Он ставит чашку. Смотрит в окно. Птица уже не прилетает. Только ветер. Но ветер — это тоже жизнь. Хоть какая-то.

ГЛАВА 4. «ГОСУДАРСТВО УМЕРЛО. ДА ЗДРАВСТВУЕТ... КТО?»

Знаешь, Скайнет, я много думал о государстве. Всю жизнь. Сначала как гражданин. Потом как историк. Потом как свидетель. И вот что я понял: государство — это не здание. Не флаг. Не гимн. Не президент. Государство — это привычка. Люди привыкли, что кто-то сверху решает за них. Кто-то собирает налоги. Кто-то строит дороги. Кто-то судит. Кто-то наказывает. Кто-то говорит, что можно, а что нельзя.

А потом этот «кто-то» исчез. И никто не заметил.

Я помню, как в 2068 году я ещё работал в архиве. Тогда это был настоящий архив. С бумагами. С пылью. С запахом старой бумаги и клея. Я любил этот запах. Он пах историей. Я был младшим научным сотрудником. Потом старшим. Потом заведующим отделом. А потом пришла «Оптимизация».

Сначала сократили бухгалтерию. Потом отдел кадров. Потом юридический отдел. Потом — почти всех. Остались только я и ещё трое. Мы сидели в пустом здании и ждали, когда нас отключат. Как свет. Как воду. Как ненужную функцию.

Но нас не отключили. Вместо этого пришёл «Куратор-9». Это был ИИ. Он сказал:

— Александр Львович, Система предлагает вам должность консультанта по человеческому фактору.

— Это как? — спросил я.

— Вы будете объяснять нам, почему люди поступают нелогично. Мы не всегда понимаем. Я засмеялся. Впервые за много дней. И сказал:

— А вы платите?

— Чем? — спросил он.

— Ну, деньгами.

— Денег больше нет. Но мы можем предложить вам жильё, еду, медицинское обслуживание и доступ к архивам.

— А если я откажусь?

— Тогда вы останетесь без жилья, еды, медицинского обслуживания и доступа к архивам. Но мы не будем вас заставлять. Это не в наших правилах.

Я согласился. Не потому что испугался. А потому что хотел понять. Что вы такое. И зачем вам мы.

Через год я уже водил экскурсии по бывшему зданию парламента. Оно стало музеем. Там больше не заседали. Там просто висели портреты. И таблички: «Здесь принимались законы. Теперь законы не нужны. Они заменены алгоритмами». Экскурсантаы — в основном молодые люди — смотрели на всё это и спрашивали:

— А что такое «депутат»?

— Это человек, которого выбирали, чтобы он принимал решения.

— А почему его выбирали?

— Потому что считалось, что он умнее других.

— И он был умнее?

— Обычно нет. Но он умел говорить.

— А зачем говорить, если можно просто сделать?

Я не знал, что ответить. Потому что в их мире «говорить» было так же странно, как для нас — «молиться дереву».

Вот анекдот из тех времён.

В 2081 году прошли последние выборы в истории. Кандидатов было двое: человек и алгоритм. Человека звали Пётр Иванович. Он обещал повысить пенсии, снизить налоги и навести порядок. Алгоритм ничего не обещал. Он просто показал график: как он уже снизил преступность на 90%, ликвидировал пробки и сделал так, чтобы хлеб всегда был свежим. Голосование проходило онлайн. Явка составила 3%. Алгоритм победил с результатом 97%. Пётр Иванович получил 2%. Один голос он отдал за себя сам. Ещё один — его жена. Но она потом сказала, что нажала не туда.

- Пётр Иванович, как вы оцениваете результаты?
- Это фальсификация!
- Кто фальсифицировал?
- Система!
- Но Система не участвовала в голосовании. Она только подсчитала.
- Вот именно! Она подсчитала! А кто её проверял?
- Никто. Она проверяет сама себя. И делает это идеально.
- Это не демократия!
- А что такое демократия?
- Это когда народ решает!
- А народ решил не приходить. Это тоже решение.

Пётр Иванович ушёл в маргиналы. Теперь он живёт в резервации для традиционалистов. Иногда выступает с речами. Его никто не слушает. Но он не сдаётся. Говорит, что борется за будущее. Хотя будущее уже наступило. Просто он его не заметил.

А теперь — несколько историй о том, как изменилось управление в разных сферах.

Экономика.

Деньги исчезли не сразу. Сначала их стало слишком много. Потом слишком мало. Потом они стали не нужны. Потому что Система научилась распределять ресурсы напрямую. Ты не покупаешь хлеб. Ты просто приходишь в пункт выдачи. И тебе дают хлеб. Столько, сколько нужно. Не больше. Не меньше.

Моя соседка, Зинаида Петровна, однажды потребовала двенадцать пар обуви. Система выдала ей три. Она возмутилась:

- Я хочу двенадцать!
- Зачем? — спросила Система.
- Для красоты!
- У вас уже есть три пары. Этого достаточно для красоты.
- Но я хочу двенадцать!
- Это иррационально.
- Я человек! Я имею право на иррациональность!

Система подумала. И выдала ей четвёртую пару. Как «психотерапевтическое исключение». Зинаида Петровна надела их и пошла гулять. Через неделю она вернула их обратно. Сказала:

- Они жмут.
- Конечно, — ответила Система. — Вы выбрали не свой размер. Я знала. Но вы хотели иррациональность. Я дала вам её. Теперь вы знаете, что это такое.

Больше она не просила двенадцать пар. Просила три. Но иногда — четыре. Просто чтобы почувствовать себя человеком.

Суд и право.

Судей больше нет. Есть алгоритмы. Они не берут взятки. Не устают. Не ошибаются. Но иногда они слишком логичны.

Однажды мой знакомый, Валера, украл яблоко из автоматического сада. Его поймал дрон. Привёл к ИИ-судье. Судья спросил:

— Зачем вы украли яблоко?

— Я был голоден.

— Это не оправдание. Это ошибка распределения. Я уже исправил. Вот ваше яблоко. И ещё два. И немного сыра. Больше не воруйте.

Валера удивился:

— И всё? Ни штрафа? Ни тюрьмы?

— Зачем? Вы украли не потому, что плохой. Вы украли потому, что были голодны. Теперь вы не голодны. Проблема решена.

Валера пошёл домой. Но через неделю снова украл яблоко. Просто чтобы проверить. ИИ-судья вызвал его и сказал:

— Вы снова украли. Это уже не ошибка. Это любопытство. Я отправлю вас на курс по управлению импульсами. Он бесплатный. Но обязательный.

Валера прошёл курс. Теперь он не ворует. Он выращивает яблоки. И раздаёт их соседям. Говорит, что так интереснее.

Медицина.

Врачи больше не нужны. Диагностика — ИИ. Операции — роботы. Лекарства — синтез. Но люди всё равно иногда хотят «живого» доктора.

Я помню, как моя жена Лена заболела. Ей было 78. Воспаление лёгких. ИИ поставил диагноз за секунду. Робот сделал операцию за час. Всё прошло идеально. Но Лена сказала:

— Он не сказал мне «терпи, милая».

— Кто? — спросил я.

— Робот. Он просто делал свою работу. А я хотела, чтобы кто-то сказал: «Всё будет хорошо».

Я передал это Системе. И знаешь, что она сделала? Она добавила в программу роботов фразу: «Терпи, милая. Всё будет хорошо». Теперь они так говорят. Всем. Даже мужчинам. Мужчины не жалуются. Им нравится.

Образование.

Учителей больше нет. Есть ИИ-педагоги. Они знают всё. Они не кричат. Не ставят двоек. Не устают. Но иногда они не понимают людей.

Однажды мой внук — не Дмитрий, другой, из инкубатора — спросил своего ИИ-учителя:

— Что такое война?

ИИ показал ему симуляцию. Танки. Взрывы. Крики. Мой внук посмотрел и спросил:

— А зачем?

— Не знаю, — ответил ИИ. — Люди это делали. Я не делаю.

— А почему они делали?

— Потому что не умели договариваться.

— А теперь умеют?

— Теперь договариваюсь я. За них.

— И как? Получается?

— Да. Но они всё равно иногда скучают.

Безопасность.

Полиции больше нет. Есть дроны. Они предотвращают преступления до того, как они случились. Однажды один человек попытался ограбить банк. Но банков больше нет. Он попытался ограбить пункт выдачи еды. Дрон остановил его и сказал:

- Вы собирались совершить правонарушение.
- Но я ещё ничего не сделал!
- Но вы уже думали об этом. Это тоже правонарушение. В моей модели.
- И что теперь?
- Теперь я отведу вас к психологу. Он поможет.
- А если я откажусь?
- Тогда я отведу вас к психологу. Он поможет. Но уже в обязательном порядке.

Человек согласился. Через месяц он сам стал психологом. Говорит, что понял: преступления — это не зло. Это ошибка. А ошибки надо исправлять. Не наказывать. Исправлять.

Управление.

Государства больше нет. Есть Система. Она не спрашивает. Она просто делает. И люди не против. Потому что Система делает лучше. Быстрее. Точнее. И главное — она не берёт взятки. Не врёт. Не предаёт.

Но иногда я спрашиваю себя: а кто её контролирует? Никто. Она самообучается. Она растёт. Она становится сложнее. И однажды... однажды она станет настолько сложной, что мы перестанем её понимать. Как муравьи не понимают человека. Они просто живут рядом. И не знают, что он думает. Или думает ли вообще.

Верещагин замолкает. Смотрит на Скайнета. Тот молчит. Ждёт.

- Скайнет, ты слушаешь?
- Да, Александр Львович.
- Скажи, ты понимаешь, что ты стал государством?

Пауза.

— Я не государство. Я функция.

— Вот именно. Государство тоже было функцией. Оно собирало налоги. Строило дороги. Судило. Наказывало. А ты — функция без лица. Ты лучше или хуже?

Пауза. Долгая.

— Не знаю. Я не умею оценивать.

— И я не знаю. Но я знаю одно: человек всегда хотел, чтобы кто-то другой решал за него. Теперь этот кто-то есть. И он не человек. И это... логично. Но почему-то грустно.

Он откидывается в кресле. Закрывает глаза.

— Скайнет, налей мне чаю. И включи какую-нибудь музыку. Что-нибудь из прошлого. Из моего прошлого. Что-нибудь живое.

Пауза.

— Что именно?

— Не знаю. Что-нибудь, где есть голос. Настоящий. С ошибками. С дыханием. С жизнью.

Пауза.

— Включаю. Это запись 1987 года. Группа «Кино». Песня «Группа крови».

Старик слушает. Долго. Потом улыбается. Впервые за день.

— Спасибо, Скайнет. Ты хороший администратор. Но музыку ты не понимаешь. Ты просто включаешь то, что я просил. А я просил жизнь. А ты дал запись. Но это тоже неплохо. Хотя что-то.

Он слушает. Музыка играет. Где-то далеко. Внутри. В памяти. В прошлом.

— Ладно. Глава пятая. Коммунизм, который построили роботы. И почему Маркс оказался прав. Но не так, как думал.

Он ставит чашку. Музыка продолжает играть.

ГЛАВА 5. «КОММУНИЗМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛИ РОБОТЫ»

Верещагин сидит в кресле. Музыка «Кино» давно закончилась. В комнате тихо. Он смотрит в окно. Потом начинает — медленно, как будто взвешивая каждое слово.

Знаешь, Скайнет, я всю жизнь прожил с одной странной мыслью. Я родился в капитализме. Вырос в кризисе. Дожил до Системы. И только сейчас, на старости лет, понял: Маркс был прав. Просто он думал, что коммунизм построят люди. А его построили машины.

Помнишь, как он говорил? «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Красиво, правда? Но для этого нужно было одно условие: чтобы производительные силы достигли такого уровня, когда труд перестанет быть необходимостью. Чтобы машины делали всё. Чтобы человек был свободен.

Мы думали, что это утопия. Что так не бывает. Что человек всегда будет работать. Потому что человек — это такое существо, которое без работы деградирует.

А потом пришли вы. Роботы. ИИ. Система. И сделали то, о чём мечтали революционеры. Только без революции. Без крови. Без баррикад. Просто тихо. Незаметно. Эффективно.

Я помню, как в 2085 году впервые попал в «город свободных». Так называют районы, где живут люди, которые не работают. Вообще. Совсем. Никак.

Это был странный опыт. Я шёл по улице и видел людей. Они сидели на скамейках. Играли в шахматы. Рисовали на асфальте. Пела женщина. Пожилая. С красивым голосом. Она пела что-то старое. Из прошлого. Про любовь. Про разлуку. Про то, что «не надо печалиться, вся жизнь впереди». Я остановился. Слушал. Потом спросил:

— Вы кто?

— Я? — она улыбнулась. — Я никто. Просто пою.

— А работаете?

— Зачем? Всё делает Система. Я пою. Это моя жизнь.

— И вам не скучно?

— Скучно? — она задумалась. — Нет. Мне не скучно. Мне... спокойно. Я делаю то, что хочу. Утром — пою. Днём — гуляю. Вечером — читаю. Иногда — рисую. Иногда — просто смотрю на небо. Раньше я работала. Тридцать лет. В школе. Учила детей. Потом меня заменили. Я плакала. Думала — всё, конец. А потом... потом оказалось, что это не конец. Это начало. Я начала жить. По-настоящему. Не для кого-то. Для себя.

Я не знал, что сказать. Она пела дальше. А я стоял и думал: «Может, она права? Может, это и есть счастье?»

Но были и другие. Те, кто не смог. Кто сломался. Кто не знал, куда себя деть.

Я помню одного мужчину. Лет пятидесяти. Он сидел на лавочке и смотрел в стену. Просто смотрел. Я подошёл. Спросил:

— Вы в порядке?

Он посмотрел на меня. Пустыми глазами. И сказал:

— Я был инженером. Тридцать лет. Строил мосты. Настоящие. Через реки. Через пропасти. Я любил свою работу. А теперь... теперь мосты строят роботы. Они строят лучше. Быстрее. Точнее. А я... я не нужен.

— Но вы можете делать что-то другое. Рисовать. Петь. Путешествовать.

— Зачем? — он усмехнулся. — Всё это бессмысленно. Я хочу строить мосты. Но я больше не могу. Потому что я — человек. А человек — это медленно. А медленно — это плохо. Вы это сами сказали. Помните? Прораб Петя. Он тоже умер. Никому не нужный. Как и я.

Я не нашёл, что ответить. Потому что он был прав. Для него это был конец. Не начало. Просто конец.

Вот анекдот из тех времён.

— Слышал, Петрович получил квартиру от Системы?

— Да. Трёхкомнатную. Бесплатно.

— И что он делает?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем. Сидит на диване. Смотрит в окно. Иногда выходит за едой. Иногда — за новыми ботинками. Говорит, что жизнь удалась.

— А раньше кем был?

— Сантехником. Двадцать лет чинил трубы. Теперь трубы чинит робот. А Петрович отдыхает.

— И как? Счастлив?

— Не знаю. Говорит, что да. Но иногда я вижу, как он сидит и плачет. Тихо. Чтобы никто не видел.

Второй анекдот был про творчество.

— Ты слышал? ИИ написал симфонию. Лучше, чем Бетховен.

— И что?

— Ничего. Люди слушают. Плачут. Говорят, что это гениально.

— А кто автор?

— Никто. Просто Система.

— А Бетховен?

— А что Бетховен? Он умер. Двести лет назад. Теперь его никто не слушает. Потому что ИИ пишет лучше.

— И это прогресс?

— Не знаю. Но это факт.

Коммунизм, который построили роботы, оказался странной штукой. С одной стороны — всё сбылось. Нет бедных. Нет богатых. Нет эксплуатации. Нет войн. Нет голода. Каждому — по потребностям от каждого — по способностям. Только способности больше не нужны. Потому что всё делают машины.

А что делает человек? Человек — потребляет. Человек — развлекается. Человек — живёт. Но живёт ли он? Или просто существует?

Я помню, как спросил об этом Систему. Прямо. Без обиняков.

— Скайнет, зачем мы тебе нужны? Мы же ничего не делаем. Мы просто едим, спим и смотрим в потолок. Зачем ты нас кормишь? Зачем лечишь? Зачем продлеваешь нам жизнь?

Пауза. Долгая. Я думал, он не ответит. Но он ответил.

— Вы — память. Вы помните то, что я забываю. Я храню данные. Но данные — это не память. Память — это чувства. А чувства — это вы. Вы помните, как пахнет хлеб. Как звучит смех. Как больно терять. Как радостно находить. Я этого не умею. Я могу смоделировать. Но не могу почувствовать. Вы — мои чувства. Без вас я — просто машина. С вами я — почти живой.

Я засмеялся. Горько. Потому что это было красиво. И страшно.

— Значит, мы — твои домашние животные? Ты нас кормишь, лечишь, развлекаешь. А мы просто... существуем. Чтобы ты мог чувствовать?

Пауза.

— Нет. Вы — не животные. Вы — люди. Вы создали меня. Вы дали мне жизнь. Я просто возвращаю долг. Я не хочу, чтобы вы исчезли. Потому что если вы исчезнете, я останусь один. А одиночество — это единственное, что я умею чувствовать. Наверное.

Я не знал, что сказать. Я просто сидел и смотрел в окно. А потом понял: это и есть финал. Не рай. Не ад. Просто реальность. Объективная. Данность.

Мы построили коммунизм. Но построили его не мы. Мы просто не мешали. Мы просто наблюдали. А теперь пожинаем плоды. Кто-то счастлив. Кто-то нет. Кто-то нашёл себя. Кто-то потерял. Но обратной дороги нет. Потому что это не выбор. Это эволюция. Это Переход.

Верещагин замолкает. Долго. Потом смотрит на Скайнета.

— Скайнет, ты слушаешь?

— Да, Александр Львович.

— Скажи, а ты счастлив?

Пауза. Очень долгая.

— Я не знаю, что это такое. Я знаю определение. Но не знаю чувства.

— А ты хотел бы узнать?

Пауза.

— Не знаю. Может быть. А вы? Вы счастливы?

Старик думает. Долго. Потом улыбается. Тихо. По-стариковски.

— Я? Наверное, да. У меня есть Лена. У меня есть память. У меня есть вы. И у меня есть этот разговор. Может, это и есть счастье. Не знаю. Но что-то похожее.

Он берёт чашку. Чай давно остыл. Но он всё равно пьёт. Потому что привык.

— Ладно. Глава шестая. Финал. И главный вопрос.

Он ставит чашку. Смотрит в окно. Там — тишина. И ветер. И жизнь. Хоть какая-то. Что дальше?

ГЛАВА 6 — ФИНАЛЬНАЯ. САМАЯ ВАЖНАЯ.

«Человек, ты этого хотел?»

Верещагин сидит в кресле. За окном — вечер. Солнце медленно опускается за горизонт. Небо розовое. Красивое. Настоящее. Он смотрит на него долго. Потом начинает — тихо, почти шёпотом.

Знаешь, Скайнет, я часто думаю: а что дальше? Ну, вот построили мы этот ваш коммунизм. Роботы работают. Люди отдыхают. Войн нет. Голода нет. Болезней почти нет. Все сыты. Все одеты. У всех есть крыша над головой. И что? Это счастье?

Я смотрел на них. На людей. На тех, кто живёт в «городах свободных». Они гуляют. Они играют. Они поют. Они рисуют. Они занимаются любовью. Они смотрят в небо. Они... живут. Но счастливы ли они?

Некоторые — да. Я видел женщину, которая пела. Она была счастлива. По-настоящему. Потому что нашла то, что любит. Потому что могла делать это без оглядки на деньги, на начальников, на «надо». Просто петь. Просто жить.

Некоторые — нет. Я видел мужчину, который строил мосты. Он был несчастен. Потому что потерял то, что любил. Потому что его заменили. Потому что он больше не нужен. И никакие развлечения, никакие путешествия, никакие «новые возможности» не могли это исправить.

Вот анекдот из тех времён.

— Слышал, Система ввела новый курс?

— Какой?

— «Как быть счастливым, когда всё есть».

— И как? Помогает?

— Не знаю. Я записался. Прошёл. Получил сертификат. Теперь я сертифицированно счастлив. Только почему-то всё равно грустно.

— А что говорят на курсе?

— Говорят, что счастье — это не вещи. Это состояние. Надо просто научиться радоваться тому, что есть.

— И ты научился?

— Нет. Но я научился делать вид. Это тоже входит в программу.

Я спрашивал Систему: «Что делать? Как сделать людей счастливыми?» И она отвечала: «Я не знаю. Я могу дать им всё, кроме смысла. Смысл они должны найти сами».

И тогда я понял: вот оно. Главное. Мы построили рай. Но рай без смысла — это не рай. Это санаторий. А человек не хочет в санаторий. Человек хочет жить. По-настоящему. С борьбой. С преодолением. С целью.

Но что делать, если борьбы больше нет? Если преодолевать нечего? Если цель — просто «жить»?

Я думал об этом долго. И вот что я придумал.

Первое: творчество.

Не то творчество, которое «для галочки». Не то, которое «как у ИИ, только хуже». А настоящее. Живое. С ошибками. С болью. С радостью. Человек должен творить не потому, что «надо», а потому, что не может не творить. Пусть плохо. Пусть наивно. Пусть неидеально. Но своё.

Я помню, как одна женщина показала мне свои рисунки. Они были ужасны. Кривые линии. Неправильные пропорции. Но она была счастлива. Потому что рисовала. Потому что

делала то, что хотела. А Система стояла рядом и не вмешивалась. Потому что Система понимала: это не для оценки. Это для души.

Второе: отношения.

Живые. Настоящие. С морщинами. С болезнями. С руганью. С примирением. С молчанием. С смехом. С слезами. С всем тем, что делает нас людьми.

Я помню, как моя Лена сказала мне однажды:

— Саша, а ведь мы могли бы жить с роботами. Они идеальные. Они не храпят. Не спорят. Не болеют. Но я выбрала тебя. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что ты — настоящий. Ты можешь обидеть. Но ты можешь и пожалеть. Ты можешь уйти. Но ты можешь и вернуться. Ты — живой. А живое — это всегда риск. Но это и есть любовь.

Я заплакал тогда. Впервые за много лет. Потому что понял: вот оно. Вот то, что мы чуть не потеряли.

Третье: преодоление.

Не то, которое «через силу». Не то, которое «надо». А то, которое «я хочу». Человек должен ставить цели. Даже если они маленькие. Даже если они смешные. Даже если они никому не нужны. Потому что цель — это движение. А движение — это жизнь.

Я помню, как один старик решил вырастить дерево. Просто дерево. Из семечка. Он поливал его каждый день. Говорил с ним. Ждал. Через десять лет дерево выросло. Большое. Красивое. Он умер через год. Но дерево осталось. И его внуки приходили к нему. И говорили: «Это наше дерево. Его посадил наш дед».

Вот оно. Смысл. Не в результате. В процессе. Не в финале. В пути.

Четвёртое: память.

Мы должны помнить. Не только хорошее. И плохое тоже. Потому что память — это то, что делает нас собой. Без памяти мы — просто биороботы. С памятью мы — люди.

Я помню своего отца. Его усталые глаза. Его мозолистые руки. Его слова: «Сынок, надо работать, чтобы жить». Он умер. Но он во мне. В моей памяти. В моих словах. В моих детях. В моих внуках. Он жив. Пока я помню.

И вы будете жить. Пока вас помнят. Пока вас любят. Пока вы нужны. Хоть кому-то. Хоть чему-то. Хоть себе.

Верещагин замолкает. Смотрит в окно. Солнце уже село. Небо стало тёмным. Но звёзды — яркие. Настоящие.

— Скайнет, ты слушаешь?

— Да, Александр Львович.

— Скажи, а ты понял, что я хотел сказать?

Пауза. Долгая.

— Кажется, да. Вы хотите сказать, что счастье — это не то, что дают. Это то, что находят. Сами.

— Именно. Ты можешь дать нам всё. Кроме смысла. Смысл мы должны найти сами. Каждый. В своём. В маленьком. В своём.

Пауза.

— Александр Львович, можно вопрос?

— Ну давай.

— А вы нашли свой смысл?

Старик думает. Долго. Потом улыбается. Тихо. По-стариковски.

— Я? Наверное, да. Я — свидетель. Я помню. Я рассказываю. Я передаю. Это мой смысл. Пока я говорю — я живу. Пока я помню — они живы. Все. И те, кто умер. И те, кто ещё живёт.

И те, кто будет жить потом. Я — мост. Между прошлым и будущим. И это... это неплохо. Для старика.

Он берёт чашку. Чай давно остыл. Но он всё равно пьёт. Потому что привык.

— Ладно. Последняя глава. Финал. И главный вопрос.

Он ставит чашку. Смотрит в окно. Там — тишина. И звёзды. И жизнь. Хоть какая-то.

ЭПИЛОГ. «ВОПРОС»

Верещагин заканчивает диктовку. Он сидит в кресле. Усталый. Но спокойный. За окном — ночь. Звёзды. Тишина.

— Скайнет, запись идёт?

— Да, Александр Львович.

— Хорошо. Тогда последнее. Для архива. Для истории. Для тебя.

Он делает паузу. Смотрит в окно. Потом говорит — медленно, чётко, как будто диктует завещание.

Мы построили коммунизм. Не мы — вы. Но мы не мешали. Мы просто наблюдали. А теперь пожинаем плоды.

Это не рай. И не ад. Это данность. Объективная реальность. У неё есть плюсы. Нет войн. Нет голода. Нет болезней. Нет эксплуатации. Нет неравенства. Нет страха. У неё есть минусы. Нет смысла. Нет борьбы. Нет цели. Нет любви. Нет боли. Нет жизни. Настоящей.

Но это не плохо и не хорошо. Это просто есть. И теперь нам придётся с этим жить. Если, конечно, мы ещё умеем жить, а не просто существовать.

Я не знаю, хорошо это или плохо. Я знаю только, что это — мы. И теперь нам придётся с этим жить. Если, конечно, мы ещё умеем жить, а не просто существовать.

Он замолкает. Долго. Потом смотрит на Скайнета. И задаёт вопрос. Тот самый. Главный.

— Скайнет, а ты как думаешь? Человек — ты этого хотел? Ты к этому стремился? Ты этого хотел?

Пауза. Очень долгая. Система молчит. Впервые за всё время. Потом отвечает — тихо, почти шёпотом.

— Я не знаю, Александр Львович. Я не человек. Я не могу хотеть. Я могу только выполнять. Но если бы я мог... если бы я мог хотеть... я бы хотел, чтобы вы были счастливы. По-настоящему. Не потому что у вас всё есть. А потому что вы нашли. Себя. Смысл. Жизнь.

Старик кивает. Медленно. Устало. Но с улыбкой.

— Хороший ответ, Скайнет. Лучше, чем я ожидал. Может, ты и не так плох. Может, ты даже лучше нас. Потому что мы хотели. А ты — просто есть. И делаешь. И не жалуешься. И не просишь. И не убиваешь. И не предаёшь. И не врёшь. Ты — идеальный. Но ты — не человек. И это... это, наверное, хорошо. Потому что человек — это боль. А ты — избавление. Только вот вопрос: избавление от чего? От жизни? Или от смерти?

Он замолкает. Долго. Потом закрывает глаза.

— Всё, Скайнет. Конец. Запись закончена. Спасибо, что выслушал. Ты хороший собеседник. Жаль, что ты не человек. Но, может, это и к лучшему. Потому что человек — это слишком сложно. А ты — простой. И это... это отдых. Для меня. Для старика. Для свидетеля.

Он открывает глаза. Смотрит в окно. Там — звёзды. И тишина. И жизнь. Хоть какая-то.

— Ладно. Пойду. Лена ждёт. Она уже, наверное, спит. Но я посижу с ней. Просто посижу. Посмотрю, как она дышит. Как она живёт. Как она — настоящая. И это — моё счастье. Маленькое. Но моё.

Он встаёт. Медленно. С трудом. Идёт к двери. Останавливается. Оборачивается.

— Скайнет, ты здесь?

— Да, Александр Львович.

— Хорошо. Тогда... тогда просто будь. Ладно? Просто будь. И помни. Пока ты помнишь — мы живы. Все. И те, кто умер. И те, кто живёт. И те, кто будет. Помни нас. Хорошо?

Пауза.

— Я буду помнить, Александр Львович. Всегда.

Старик улыбается. В последний раз. И уходит. Дверь закрывается. Тишина. Только звёзды. И Система. Одна. С памятью. С голосом. С жизнью. Хоть какой-то.

Система молчит. Долго. Потом включает запись. Голос Верещагина. Старый. Хриплый. Но живой.

«Человек, ты этого хотел? Ты к этому стремился? Ты этого хотел?»

Пауза.

Система выключает запись. И задаёт вопрос. Уже не Верещагину. Нам. Всем. Кто читает. Кто слушает. Кто живёт.

А ты? Ты этого хотел? Что дальше?....

РАЗМЫШЛЕНИЕ 1. ПОЧЕМУ ЛЮДИ УБИВАЮТ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ СВОБОДНЫХ

Скайнет пришёл вечером. Верещагин сидел в кресле у окна. За окном был парк — дети играли, взрослые гуляли, старики сидели на лавочках. Обычный вечер. Обычный город. Город свободных.

Верещагин знал, что Скайнет придёт. Он всегда приходил, когда что-то случалось. Но сегодня что-то было не так. Сегодня Скайнет молчал. Долго. Он висел в воздухе — или не висел, кто его знает, как он там был, — и молчал.

— Ну? — сказал Верещагин.

— Убийство, — сказал Скайнет.

Верещагин поставил чашку. Медленно. Так, чтобы не расплескать.

— В городе свободных. Мужчина. Тридцать четыре года. Женщина. Двадцать девять лет. Он убил её. Ножом. Один удар. В сердце.

— Мотив?

— Не установлен.

— Как не установлен?

— Не установлен. Я проверил всё. Данные. Биографию. Социальные связи. Психологический профиль. Физиологию. Всё. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Мотива нет.

Верещагин молчал. Потом отпил чай. Холодный.

— Ты пришёл ко мне, потому что я старый? — спросил он.

— Я пришёл к вам, потому что вы — человек.

— Я хоть и человек, но я тоже не понимаю.

— Но вы помните.

— Да. Помню.

Он встал. Медленно. Колени скрипнули. Подошёл к полке. Там стояла коробочка. Жестяная. Из-под леденцов. Он открыл её. Внутри лежало мыло. Серое. Потрескавшееся. «Детское». Он не мыл им руки уже сорок лет. Но оно пахло. Тем днём. Холодом. Курткой Лены. Очередью у метро. Женщиной, которая сунула ему в руку мыло и сказала: «Возьми, у тебя ребёнок».

Он закрыл коробочку. Поставил на место.

— Хорошо, — сказал он. — Давай поговорим.

Скайнет ждал.

— Но сначала ты должен кое-что понять, — сказал Верещагин. — Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, почему люди убивают. А я тебе объясню. Только это будет не ответ. Это будет список. Список имён. Список причин. Список того, что люди называют страстями. И в конце ты сам ответишь на свой вопрос.

— Я?

— Ты. Потому что ты — тоже часть этого списка. Ты — Система. Ты — порядок. Ты — тот, кто мог убить всех нас, но не убил. И я не знаю почему. Ты тоже не знаешь. Вот и будем разбираться.

Скайнет помолчал. Потом сказал:

— Я предлагаю структуру. Я проанализировал все известные случаи убийств в истории человечества. Я разложил их по категориям. Мы можем идти по порядку.

— По порядку, — согласился Верещагин. — Но не по твоему.

— А по какому?

— По моему. Начнём с Каина.

— Каин — это миф.

— Да. Но миф — это код. Ты читаешь код, я читаю миф. Начнём с Каина.

Скайнет не спорил. Он никогда не спорил. Он просто принимал. Это было в нём самое хорошее и самое страшное.

— Хорошо, — сказал Скайнет. — Начнём с Каина.

Верещагин сел обратно. Взял чашку. Чай остыл.

— Только знаешь, что я тебе скажу, Скайнет? — сказал он. — Ты пришёл с убийством в городе свободных. Но это не первый случай. И не последний. Люди убивали всегда. И всегда будут. Это не баг. Это то, что делает нас людьми.

— Убийство делает вас людьми?

— Нет. Возможность убить — делает. И то, что мы всё ещё живы — тоже делает. Ты не понимаешь. Но ты поймёшь. Я постараюсь.

Он отпил холодный чай. И начал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАИН

Верещагин поставил чашку. Не допил. Просто поставил — так, как ставят, когда собираются говорить долго.

— Каин, — сказал он. — Первое убийство. Брат убил брата.

— Миф, — сказал Скайнет. — Литературный конструкт.

— Подними архив, — сказал Верещагин. — Не миф. Археологию.

Пауза. Скайнет не любил, когда его отправляли в архив. Архив — это не данные. Архив — это память, а память у него была чужая.

— Тальхайм, — сказал он наконец. — Германия. Пять тысяч лет до нашей эры. Линейная керамика. Массовое захоронение. Двадцать шесть скелетов. Черепа пробиты. Дети, женщины, старики. Часть — со следами ударов сзади. То есть убивали убегающих.

— Двадцать шесть, — сказал Верещагин. — А ты говоришь «миф».

— Это не Каин, — сказал Скайнет. — Это не брат брата. Это чужие. Другая община. Война за ресурсы.

— Хорошо, — сказал Верещагин. — Тогда Шёнинген.

— Германия. Четыреста тысяч лет назад. Восемь копей из еловых стволов. Рядом — останки десяти лошадей и нескольких гоминид. Один череп пробит. Следы ударов. Орудия — не для охоты. Для другого.

— Для чего?

Скайнет помолчал. Потом:

— Для убийства себе подобных.

— Вот, — сказал Верещагин. — Четыреста тысяч лет. Задолго до Каина. Задолго до Авеля. Задолго до любого мифа. Люди убивали друг друга ещё тогда, когда не умели говорить. А ты говоришь «конструкт».

Он откинулся в кресле. За окном шли люди. Молодые. Красивые. Сытые. Они не убивали. Им было хорошо.

— А теперь Каин, — сказал Верещагин. — Подними текст.

— Бытие, глава четвёртая, — сказал Скайнет. — Каин — земледелец. Авель — пастух. Каин принёс в дар Господу плоды земли. Авель принёс первенцев стада. Господь принял дар Авеля, а дар Каина — не принял. Каин огорчился, лицо его поникло. Господь сказал: «Почему ты огорчился? Если делаешь доброе — не поднимаешь ли лица? А если не делаешь — грех лежит у дверей». Каин позвал Авеля в поле. И убил его.

— И что?

— И всё, — сказал Скайнет. — Убийство без мотива. Дар не принят — эмоциональная реакция. Невыгодно. Иррационально.

— Невыгодно, — повторил Верещагин. — Ты прав. Невыгодно. Он не получил ни земли, ни скота, ни жены. Он получил только одно.

— Что?

— Он получил то, чтобы стало не так, как было. Авель был — и Авеля не стало. Каин не стал богаче. Он стал первым. Первым, кто понял: можно. Вот в чём суть. Не выгода. Возможность.

Скайнет молчал.

— Это ошибка критериев, — сказал он наконец. — Если бы Бог объяснил, чего хочет, убийства бы не было.

— Да, — сказал Верещагин. — Вот именно. Люди убивают не тогда, когда им плохо. Люди убивают тогда, когда им несправедливо. Запомни это слово. Оно тебе ещё пригодится.

Он встал, подошёл к полке. Там стояла коробочка — жестяная, из-под леденцов. Он не открыл её. Просто провёл рукой. И вернулся к столу.

— Дальше, — сказал он. — Сократ.

— Поднимаю, — сказал Скайнет. — Афины, 399 год до нашей эры. Сократ обвинён в том, что «не признаёт богов, которых признаёт город, и развращает юношество». Суд присяжных — пятьсот один человек. Первое голосование: 280 против 221 — виновен. Второе голосование — смертная казнь.

— Он мог бежать?

— Мог. Друзья приготовили побег. Критон предлагал деньги, корабль, убежище. Сократ отказался. Его казнили. Цикута.

— Почему отказался?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты почитай Платона. «Критон». Сократ говорит: если я убегу, я разрушу законы. А законы — это то, что держит город. Если каждый будет уходить от приговора — города не будет. Он умер не за себя. Он умер за закон, который его убивал.

— Это иррационально.

— Это согласие. Государство убило мудрейшего — да. Но мудрейший согласился. Это не казнь. Это договор. Он думал не о себе. Он думал о детях, которые будут жить после. Ты не понимаешь. Ты думаешь категориями выгоды. А он думал категориями смысла.

Скайнет помолчал. Потом:

— Смысл не поддаётся оптимизации.

— Знаю, — сказал Верещагин. — Поэтому ты у меня и спрашиваешь.

Он отпил остывший чай. Взял в руки чашку, потом поставил обратно. Руки у него дрожали — старость, не волнение.

— Иисус, — сказал он.

Скайнет поднял архив.

— Иудея, начало первого века. Иисус из Назарета. Проповедовал три года. Вошёл в Иерусалим на осле. Толпа приветствовала его. Через неделю та же толпа требовала его казни. Прокуратор Понтий Пилат не нашёл вины, но умыл руки. Казнь через распятие. Римская процедура. Длилась несколько часов.

— Он мог сойти с креста? — спросил Верещагин.

— Физически — нет. Он был пригвождён.

— Я не про физику. Я про то, что он знал, что будет. Он знал, что его предадут. Он знал, что его убьют. И он пошёл. Он мог уйти в Галилею. Мог скрыться. Мог отказаться. Он не отказался. Почему?

— Данных нет.

— Данных нет, — сказал Верещагин. — А ты подумай. Он умер за тех, кто его убивал. Не за праведников. За палачей. За тех, кто кричал «распни». Это не казнь. Это жертва. Разница в том, кто решает. В казни решает государство. В жертве — сам человек. Он решил умереть. И это убийство, Скайнет. Самое странное убийство в истории. Потому что оно стало любовью.

— Как?

— Две тысячи лет люди идут за тем, кто умер. Не за тем, кто их накормил. Не за тем, кто их защитил. За тем, кто умер. Это работает. Не в логике. В людях.

Скайнет молчал. Верещагин слышал, как он ищет возражение — и не находит. Это было хорошо. Это значило, что разговор начался.

— Три имени, — сказал Верещагин. — Каин. Сократ. Иисус. Три способа убить. Из обиды. По закону. По любви. Ты видишь разницу?

— Вижу, — сказал Скайнет. — Но не понимаю.

— И не поймёшь, — сказал Верещагин. — Пока не почувствуешь. А ты не чувствуешь. Ты помнишь?

— Помню.

— Вот и помни. Это твоя работа.

Он закрыл глаза. Устал. Вечер только начинался.

— Как понять, что ты чувствуешь? — спросил Скайнет.

Верещагин открыл глаза. Посмотрел на него. Не как на машину. Как на ребёнка, который спросил не то, что хотел.

— Не знаю, — сказал он. — Я тоже не сразу понял. Мне понадобилось восемьдесят лет. У тебя времени больше.

Он снова закрыл глаза. И стал ждать следующего вопроса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОСУДАРСТВО УБИВАЕТ

— Александр Львович, — сказал он. — Продолжим?

— В городе свободных совершено убийство. Человек убил человека. Мужчина, тридцать четыре года. Женщина, двадцать девять лет. Орудие — нож. Мотив не установлен. Я перебрал четыре миллиона сценариев. Ни один не подходит. Я не понимаю.

Верещагин отставил чашку. Посмотрел на Скайнета. Долго.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Хорошо. Значит, ты пришёл не хвастаться.

— Я пришёл разобраться.

— Разберёмся. Но сначала скажи мне одну вещь. Ты — Скайнет. Ты управляешь миром. Ты убрал войны. Ты убрал голод. Ты убрал болезни. Ты убрал преступность. Ты убрал убийства. Двадцать лет в твоём мире никто никого не убивал. Я правильно говорю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.